

возносящийся над главою моею» (за недостатком места ограничиваемся одним примером из многих). Такая дикция ведет к драматургии; недаром основное в сборнике «Плоды уединения» — это две пьесы для театра (№ 7 и № 13). Первая из них — «Драма, Добрый внук, в двух действиях» (стр. 19—50). Действующие лица: Добросерд, Маша, Анюта — дело как будто бы, судя по этим именам, могло бы происходить в России, но главный герой, 19 лет, носит имя Георг и все построено на взятом из шиллеровской драмы «Коварство и любовь» мотиве: продаже рекрутов за деньги. Старик, деду Георга, нечего есть. Благородный Георг говорит: «Дедушка! я еще молод, могу служить государю; теперь рекрутский набор, пойдем в деревню Добросерда, вы меня продайте, деньги возьмите себе для прокормления». Старик восклицает, «после малого молчания»: «Мне продать своего внука? Георг! Кто внушил тебе сию мысль?». Георг отвечает «с жаром»: «Мое отчаяние». Подражание немецкому театру здесь очевидно. Исход пьесы, конечно, счастливый — недаром, помещика зовут «Добросерд». Он, «будучи тронут», решает так: «Добродетельнейший внук и ты, почтенный старец! Обнимите меня — я помогу вам ... вы будете жить спокойно в моем доме, я буду сам иметь о вас попечение».

Вторая пьеса сборника это — «Честолюбие и позднее раскаяние. Трагедия» (стр. 82—168). Там действуют: Граф Рудольф Гогенбрук, полковник Леопольд Розенмор, Генриетта, Эдуард, и т. д. Действие происходит в Германии. Генриетту выдают замуж за барона Вульфа, но она любит Эдуарда — бедного и «низкой фамилии». Эдуард также ее любит. «А! батюшка, — говорит он, — моя любовь не есть подлая страсть, но приятное братство. Я не мечтаю о другом благополучии, как только прикасаться к ее руке, и это прикосновение не будет возжигать моей крови; воздыхать у ног ее, и этот вздох будет вздох невинности».

В III акте дается следующая сцена:

«Генриетта (в черном платье). Ах, естли б эти звезды угасли, естлиб луна не так ясно светила! Гусьге облака! затмите ее сильнее! о ночь! распространи черный свой покров...³

«Эдуард (в совершенном упоеньи). Божественная Генриетта! и я могу... осыпать тысячью поцелуев эти пылающие щеки, эти черные глаза!... И это не сон?

«Генриетта. Нет, мой любезный, это не сон, но будь поосторожнее.

«Эдуард (обнимая ее). Ах, Генриетта! (в это время ночь становится немного темнее).

«Генриетта (вырываясь от него). Бога ради тише...

«Эдуард. Наша любовь есть священна? (Становится на колени.) Так, я клянусь! Внемили мне, верховный правитель мира! внемите мне, царица ночи и звезда! я клянусь, что любовь моя к Генриетте никогда не изменится».

³ Ср.: «Ромео и Джульетта», д. III, явл. 2. Слова Джульетты: «... Bring in cloudy night ... spread thy ... curtain ... night ... thy black mantle». У автора пьесы не более как литературный штамп.